

Märt Võiļataga

В ОЖИДАНИИ КРУПНОГО ЭСТОНСКОГО РОМАНА

Мярт Вяльятага, главный редактор литературного журнала Викеркаар, Эстония

Разрешите мне задать вопрос – кто является самым популярным писателем Эстонии? В отчете Эстонских публичных библиотек пару лет назад можно было прочесть, что это автор дамских романов Нора Робертс, следом за которой расположились Сандра Браун и Агата Кристи. Маэстро эстонской литературы Яан Кросс (1920–2007) занял место в конце второй десятки. Вряд ли это можно назвать неожиданностью, так как бестселлеры уже из-за своего имени продаются успешнее прочих книг, соответственно и читателей у них больше. Согласно данным Указателя переводов ЮНЕСКО (UNESCO Index Translatorium) Агата Кристи находится на втором месте среди наиболее переводимых авторов (после продукции Уолт Дисней & Ко), а Нора Робертс на тридцатом, как раз перед Карлом Марксом.

Но статистика указывает и на причастность библиотек к неутешительным итогам. Закупка любовных романов и прочей так наз. "жанровой литературы" превзошла у нас заказы на эстонскую и зарубежную литературу, классические и современные "литературные" романы. Электронные базы данных в интернете позволяют обнаружить, что на узких полках некоторых сельских

библиотек найдется место для 15 романов Барбары Картланд, но нет ни одного произведения Льва Толстого, не говоря о некоторых важных именах эстонской литературы.

Поэтому неудивительно, что подобное положение дел насторожило Союз писателей Эстонии, который потребовал централизованной политики снабжения библиотек, надеясь, что ассортимент книг изменится в пользу современной эстонской литературы.

Но сотрудницы библиотек, преимущественно упрямые дамы, не испугались. Они объяснили, что публичные библиотеки являются и важнейшими центрами общественной жизни. Их субсидирование зависит в определенной степени от посещаемости. Задача библиотекаря заключается не только в том, чтобы формировать читательский спрос, но и в его удовлетворении. И, кроме того, вряд ли эгоистичные, путанные и бранные произведения современных эстонских писателей можно назвать привлекательными для читателей!

Как же можно возразить на апелляцию библиотекарей о том, что эстонский роман является чрезмерной эгоистичным, эзотерическим и вульгарным, чтобы рекомендовать его посетителям сельской библиотеки?

Обвинение в вульгарности можно смело отвергнуть. Что же касается обвинений в эгоизме, то здесь есть доля правды, поскольку многие писатели прямо или косвенно давали понять, что единственной манерой письма можно считать такую, которая основана на личном опыте.

Например Тыну Ыннепалу (1962) декларирует в книге "Упражнения" (2002, вышла под псевдонимом Антон Нигов): "В этой культуре, в которой я нахожусь и которой являюсь, невозможно писать других книг, только такие, в которых нет ни одного персонажа, кроме меня. Ничего кроме их просматриваемых снаружи внутренних самокопаний. Книги с персонажами, всевозможными дядюшками и кузинами, господами графами и коллежскими ассессорами, Иваноми Павловичами и госпожами N, – уходят в прошлое, великое и богатое на события время. Их больше не пишут, только переписывают. С небольшими изменениями. Если быть честным и поменьше списывать, тогда мне остается говорить только о том самом себе".

К счастью "я" Тыну Ыннепалу является настолько богатым, интеллигентным и выразительным, что в биографичные размышления и рассуждения о культуре обладают неудержимой, едва ли не вуайерической читабельностью. Хотя две его попытки написать классический роман, с разработанным сюжетом и комплектом героев скорее потерпели неудачу, исповедальные, (полу)биографичные произведения заслужили высокую оценку. "Упражнения" является сплавом из воспоминаний, откровений, гибридом из дневниковых и вымышленных жанров, созданный за короткое время в 1990-х, когда автор работал представителем эстонской культуры в Париже. Он собирает на страницах книги все свои прежние связи и чувства и подвергает их безжалостному анализу. В этом элегичном тексте есть множество пронизательных наблюдений о межкультурном неприятии, снобизме и самообмане. Одна из основных тем в творчестве Ыннепалу это собственно писательский труд, как средство создания авторской идентичности.

Ровесник Тыну Ыннепалу Пеэтер Саутер (1962) строит между собой и протагонистом своих книг все же некоторое большее расстояние. Но и его отношение к традиции романа является настолько же неудобным, как и у Ыннепалу. "Мне не хотелось бы называть себя писателем; это как-то излишне", – повторял он даже после выхода в свет нескольких сборников рассказов. Хотя теперь, похоже, он смирился со своей писательской ролью, но так пока и не решился написать полноценный роман. Вместо творчества его состоит из мало связанных между собой историй, которые рассказываются от первого лица, безумно жаждущего истинного, свободного от общественных конвенций и личных связей, бытия.

"Я хочу просто быть. Я хочу быть свободным и истощенным некто". Но ему мало просто существовать, поскольку и это становится для него иногда бременем и тогда он рассуждает так: "Все повторяется. Поступки повторяются, и мысли". Или в другом месте: "Я чувствую, будто продаю свою жизнь себе же. Этому научила меня школа и литература, которая описывает жизнь, словно придавая ей какую-то дополнительную

ценность". Книга Саутера "Кровотечение" (2006) указывает на развитие более плотной нарративности.

В то же время типичный протагонист Саутера, который раньше был скорее неудачником, в последнее время обрел какую-то черную насильственность. Его жажда "чистого существования" или "истинного бытия" теперь переносится на бессмысленные, почти ритуальные акты уничтожения — часто относящиеся к себе, будто насилие является последним средством, которое позволяет противостоять неизбежному упрощению жизни.

Использованный Тыну Ыннепалу в "Упражнениях" произвольно меняющийся жанр, который позволяет смешивать автобиографические и эссеистические размышления, на самом деле, еще в 1980-е принес в эстонскую литературу Яан Каплинский (1941). Каплинский является вероятно наиболее известным эстонским поэтом и публичным интеллектуалом. Он поучаствовал в двух поэтических революциях. Первая из них заключалась в привнесении в эстонскую поэзию модернистского стиля и ориентального образного ряда в 1960-х. Обрядные песни Каплинского стремились сократить разрыв между индивидом и миром, общественной и личной жизнью. Не смотря (или скорее благодаря) на официальные подозрения, он достиг в своем поколении почти такой же известности как рок-звезда. В 1980-х, во время второй революции, он отказался от шаманских амбиций и совершил "антипоэтический" переворот, принявшись очищать язык от литературных тропов и начал запечатлевать маленькие повседневные эпифании.

В последние годы Каплинский перешел преимущественно на прозу, публикуя эссе, путевые заметки, воспоминания и рассказы в жанре так наз. *theo-fiction*, которые по своей стилистике напоминают творчество британского философа и писателя-фантаста Олафа Стэплдона. "Та самая река" (2007), которую Каплинский писал 12 лет, является его первым полноценным романом. Этот полубиографический роман о взрослении, действие которого разворачивается в 1960-е, повествует об усилиях молодого *alter ego* Каплинского расстаться с невинностью и получить сексуальный и мистический опыт.

20-летний главный герой видит неформального учителя в изолированном теологе, который в глазах коммунистических властей находится на плохом счету. По прошествии лета, проведенного в духовных и эротических самокопаниях, сексуальные и политические интриги переплетаются и стремятся к какому-то выходу. КГБ и университетские аппаратчики взяли под пристальное наблюдение отношения двух поэтов. Ученик перерастает своего учителя, который обличая человечество в детской

непосредственности, сам оказывается большим ребенком. Так выглядит содержание романа в кратком пересказе, в котором реалистичные описания сменяются мистическими озарениями, психологические выкладки и культурологические обсуждения — с точно переданным общественным климатом тех лет, безумие чувств — с тонкой иронией.

Эти "эмоции, вспомнившиеся в спокойной обстановке" и разглядывание с усмешкой былого, более наивного "я", вкуче с непритязательным, грациозным и порой самоироничным стилем делают этот роман

настоящей удачей.

Если в романе Каплинского присутствует некая зрелость, аромат бабьего лета, то последний роман Эне Михкельсон (1944) "Могила чумы" (2007) является чрезвычайно глубоким, тяжелым произведением. В отличие от складного стиля Каплинского, Ыннепалу и Саутера романы Михкельсон написаны тяжеловесно и плотно. Но это справедливо оправдано выбором тяжелой темы. Как и вышеперечисленные авторы, Эне Михкельсон находит материал для романов из собственной биографии, в которой имеются все элементы большой трагедии.

Скрывающийся и терпящий лишения рассказчик "Могила чумы", женщина, выросла под присмотром тети после того, как родители ушли в 1949 году в укрытие, что избежать "раскулачивания" с высылкой в Сибирь — подобная участь постигла во времена Сталина примерно 50 000 эстонцев. В 1953 году НКВД убила ее отца и спустя два года мать вышла из укрытия. Рассказчик пытается выяснить при каких обстоятельствах погиб ее отец, какую роль в этом играли другие лесные братья (или на советском жаргоне "бандиты"), его жена и ее сестра. Кто кого предал? Может НКВД настолько инфильтрировалось в число лесных братьев, что те стали пешками в более масштабных разведывательных играх, в которых принимала участие даже британская MI6?

После восстановления Эстонской Республики было начато официальное описание испытаний лесных братьев как однозначное героическое сопротивление. Роман Михкельсон повествует о более сложных вещах. Граница между коллаборацией—сопротивлением и терроризмом—сопротивлением иногда весьма размыта. Могила чумы, место захоронения поверженных чумой, раскопки которой могут повлечь за собой начало новой эпидемии, служит метафорой похороненных воспоминаний в середине XX века. Роман построен как серия встреч рассказчика и тётей, которая пытается признаться о своей роли как информатора НКВД, но которая так и не может этого сделать. Михкельсон разбивает дешевые стереотипы об искупительной силе воспоминаний, она довольно ясно показывает, что в подобных случаях истина не освобождает человека, тем более этого не делает отрицание. Пережитая самим автором история затрагивает нечто очень чувствительное и важное в современной коллективной жизни, в которой воспоминания и поминание заняли незаметно место, которое прежде занимали утопии и футурологические прогнозы.

Однако находятся и такие писатели, которые заимствуют идеи для своих романов не только из своей автобиографии и личного опыта. Все равно еще пишутся романы "со всевозможными дядюшками и кузинами" — и при том, с самым разным результатом. Но наиболее примечательные из них не рассказывают о сегодняшней Эстонии. Скорее можно найти притчевые истории в стиле нью-эйдж, действие которых происходит в вымышленных либо мифологических местах, где смешаны явь и сон. Часто результат смазывают клишеобразный и многословный стиль, который так и просится пройти на диету. Читая свежие, даже обласканные вниманием критики прозаические книги, невольно вспоминается сетование Набокова: "Самое страшное в пошлости — это невозможность объяснить людям, почему книга, которая, казалось бы, битком набита благородными чувствами, состраданием и даже способна привлечь внимание читателей к теме, далекой от "злобы дня", гораздо,

гораздо хуже той литературы, которую все считают дешевкой".

Тем радостнее обнаружить традиционный реалистический роман, сторонящийся псевдофилософии и слащавости. Без сомнения лучшим писателем, работающем в плоскости традиционного реализма является Матс Траат (1936). Его роман "Женщины и сыновья" (2006) — это очередная часть из приблизительно двенадцатитомной эпопеи, саги о крестьянской семье в Южной Эстонии, передает стремительную модернизацию эстонского общества в течении двухсот лет и появлении народа. Последняя часть относит нас в 1930-е — во время экономического кризиса и движения участников Эстонской Освободительной войны. Траат выполнил домашнее задание досконально и подробности отношений преимущественно сельских слоев населения изобразил очень достоверно. В определенном смысле романы Траата заменяют такую социальную историю, которую до сих пор не могут предложить профессиональные историки. Срез общества по Траату являет собой яркое описание скорого происхождения целого ряда современных героев. Раньше сельское общество не знало таких деятелей, как: роковая женщина, предприниматель, политагитатор, нувориш, человек богемы и т.д. В отличие от характерного для традиционного эстонского романа восхваления протестантской рабочей этики, мироощущение Траата окрашено в более мрачные краски. Возможно, теперь нам лучше понятно, насколько иллюзорными и в то же время смелыми были усилия эстонских земледельцев установить на своих хуторах автономную вселенную, где они могли бы иметь безграничную власть, как ее имеет Бог в небесной сфере.

Наиболее популярным современным эстонским писателем является Андрус Кивиряхк (1970), драматургия и проза которого исследуют темы художественного творчества и национального мифотворчества. Его популярность держится на своеобразном бурлескном, абсурдном и неуважительном юморе. Сложно сказать, насколько подобный юмор жизнеспособен при переводе на другой язык, поскольку он является по своей природе сугубо "эстонским". В предыдущем романе "Ноябрь, или Гуменщик" (2000) Кивиряхк работал с фольклорным материалом, чтобы описать присущую поработанному народу смесь цинизма, хитрости и наивности. Не смотря на местные аллюзии и сосредоточенность на эстонском национальном характере, этот роман переведен на норвежский, венгерский, финский, русский и латышский.

Произведение, сделавшее Кивиряхка знаменитым, "Мемуары Ивана Орава или прошлое как голубые горы" (1995) — это необыкновенно смешная травестия истории Эстонии XX века, где высмеивается и национальная мифология. "Человек, который знал змеиные заговоры" (2007) является парабольным фэнтэзи-романом на такую болезную тему как смерть культуры, исчезновение определенного образа жизни — то есть теперь речь идет совершенно о несмешных вещах. Рассказчик — последний представитель древнего лесного народа, чье племя отвержено технологически "продвинутыми" землепашцами. Слово "продвинутыми" заключено в кавычки, чтобы подчеркнуть возможно главную идею этого странного романа — прогресс и регресс, новаторство и традиция представляются здесь совершенно релятивными и похожими. Важными кажутся не технологические достижения, а связанная с ними культура, которая делает их весомыми. Лесной народ, технология которого заключается в магических змеиных заговорах, гарантирующие им выживание и власть над силами природы — этот народ побеждают не

мечи и орала, а идеи и мода, сопряженные с ними. Однако кажется, что это не пробуждает читательскую жалость, поскольку жизнь лесного народа изображается не столько бедной и короткой, сколько жестокой и омерзительной.

Возможно этой книгой Кивиряхк включился в дискуссию о демографическом будущем Эстонии, которое при нынешней рождаемости не может наслаждаться долго собственным обществом, экономикой, культурой и литературой. Однако голос писателя в этой дискуссии настолько патетичен и амбивалентен, релятивистичен и почти нигилистичен, что сложно сказать, какую мысль, если вообще, он хотел донести.

Я не знаю, следует ли ожидать от романов того, чтобы они передавали объемную картину мира или, по крайней мере, представление о том, что значит жить в определенное время в определенном месте. Но если будущий историк подойдет с подобными ожиданиями к современному эстонскому роману, то, очевидно, его ждет разочарование. Большинство современных эстонских романов изображает недавнее прошлое или вымышленные эпохи, а в романах, где описывается настоящее, внимание сосредотачивается скорее на узком и приватном опыте. Широкие кадры не изображают настоящее и кадры с настоящим не являются широкими. Если же он будет рассматривать эти романы не как документы эпохи, а как археологические находки, которые даже против своего желания рассказывают правду о времени и месте своего появления, тогда он получит довольно неплохое представление о радостях и трудностях, навязчивых мыслях и страхах посткоммунистической Эстонии.

Посткоммунистическая Эстония еще не произвела Крупного Эстонского Романа и возможно не произведет его никогда. Но если принимать в учет безжалостное исследование современной идентичности Тыну Ыннепалу; изящные колебания между небесной и плотской любовью и между частными и политическими страхами Яана Каплинского; экзистенциальную жажду по реалистичному бытию Пеэтера Саутера, которое при столкновении с гражданским комфортом порождает немотивированное насилие; шекспировские страсти Эне Михкельсон, где переплетаются предательство, память и забвение; грустная релятивизация прогресса в произведениях Андруса Кивиряхка, а также описание сельских традиций и столкновение модных тенденций в произведениях Матса Траата — тогда здесь, и нигде больше, — можно получить полное представление о *Homo Estonicus*.

Published 2010-08-17

Original in English

Translation by Игорь Котюх

First published in Literaturnaya Gazeta 2010-02-10 (shortened Russian version)

(c) Mart Valjataga

(c) Eurozine